

Художник Е.Станикова

Бусики

Алекс Гарридо

Я

подарил ей бусики на день рождения.

Вообще-то она просила подарить ей соли. Нет, не просто соли, а соли именно без добавок, без ярких надписей и мельтешащих картинок на упаковке. Ей хотелось соли в картонной коробке с синими полосами — именно в грубой картонной коробке с разошедшимися краями. Чтобы сероватые кристаллики сыпались из нее на ладонь и затем легко стряхивались, не оставляя въедливого запаха искусственных пряностей.

Она чудачкой была. Всегда хотела не такого, как у всех. Без игры или выпендрежа — искренне. Поэтому мы и встречались с ней. «Все не как у людей», —

ФАНТАСТИКА

ворчала ее мать, уверенная, что Кларисса помогает мне по математике.

Но мать сама была та еще штучка! Второго ребенка ей не хотели отдавать — собирались отправить на утилизацию, поскольку у него была большая вероятность развития синдрома Гойта-Леви. Но мать настояла, забрала малого под свою ответственность. За что и поплатилась ранней сединой и одиночеством. Кому она нужна с больным ребенком!

«Мы — подпольщики», — гордо говорила Кларисса, когда мы тайком целовались, для виду не выпуская из рук планшетов. И просила подарить ей соли.

Бусики стоили в три раза дешевле, но мне едва-едва на них хватило. Они лежали рядом на витрине антикварной лавки: картонная коробка с синими полосами и нитка самых настоящих бус. Я помнил — Кларисса мне не раз рассказывала, как в детстве мечтала о таких. Но брат постоянно болел, а у матери не было денег на «баловство».

И я купил ей бусики.

Разве я мог знать?

Она обрадовалась. «Ой, бусики! — сказала, будто я подарил ей живой солнечный зайчик. — Настоящие».

Я соврал ей, соврал: дескать, соли не было, не нашел. Затем поклялся, что вскоре, когда устроюсь на работу, обязательно подарю ей пуд чистой соли и мы съедим его вместе, ложками, прямо из картонных коробок. Она смеялась. Меж вытянутых пальцев развесила гирлянду прозрачных шариков, дышала на них. «Какой ты молодец, — качала головой. — Теперь можно пожелать что угодно — и все сбудется. Сколько угодно соли!»

Согретые ее дыханием, бусики оживали, шарики наполнялись еле заметным свечением. Кларисса выбрала оранжевый, покатала его в пальцах — он разгорелся ярче, стал как крохотный апельсин. Кларисса зажмурилась. «Я хочу, — с силой произнесла она, — я хочу, чтобы мы могли жить вместе и не прятаться!»

Шарик лопнул с тихим мелодичным звоном. Запахло леденцами.

Но дальше дело застопорилось. Она называла по десятку желаний в час, но шарики, явно без дела, лишь нарядно светились у нее на шее. Она не тронула больше ни одного, и целых три дня. Пока мы не встретили Майку с Кристиной. Майка рыдала посреди улицы, а Криста, набычившись, стояла рядом и грозно оглядывала прохожих: не смешно ли кому, что семнадцатилетняя девица прилюдно ревет взахлеб?

Криста знала про нас, причем с самого начала. Мы с Клариссой познакомились у нее на вечеринке, и Криста тогда сказала: «Что же вы плялитесь друг на друга, как

маньяки? На вас уже внимание обращают! Идите в мою спальню. Только по одному, и чтоб никто не просек, извращенцы хреновы!» Ну а что знает Криста, то Майка будет знать не позже чем через три минуты...

И вот Майка ревет посреди улицы, а Криста даже не пытается ее утешать. Понятно, Кларисса кидается к ним, а я останавливаюсь у рекламной будки, будто совсем тут ни при чем. Майка, не прекращая всхлипывать, сразу обнимает Клариссу и буквально вешается у нее на шее, а Криста, видя это, еще больше хмурится и тут что-то произносит резко — будто горькое выплевывает... Что дальше? Кларисса еще в течение минуты постояла с Майкой, гладя ее по все еще вздрагивающей спине.

Потом мы с Клариссой шли по аллейке, причем убрав руки в карманы — и она, и я. Потому что давно заметили: если руки не держать в карманах, то они сразу тянутся друг к другу и пальцы переплетаются намертво! Но тут же, как из-под земли, высакивает какая-нибудь бабуська. Мы, как всегда, отпрыгиваем друг от друга, будто ошпаренные, а бабуська долго-пристально смотрит нам вслед...

И вот мы шли, втиснув руки в карманы, а потом Кларисса вынула правую руку и нашупала шарик на шее. Зеленый. Он весело тренькнул, лопаясь в ее пальцах, и в носу защипало от запаха лимона и перца.

Целый месяц из Кристы нельзя было вытянуть и слова, а Майка все ревела, но вот странно, улыбка растягивала ее рот до ушей, а у Кристы было лицо человека, чудом выскочившего из-под обвалившегося здания. «Анализы отрицательные», — хрюплю бросила она, и Кларисса простила.

«Вот видишь, — потом говорила она мне, пока я стягивал белые кружевные трусики с ее твердых коричневых бедер, — вот видишь, бусики ведь настоящие. Кристе ставили Вайсмана, первая серия анализов... Ой, подожди... А потом... Тими, ну подожди!..»

Над нами свистели, пролетая, поезда, и, может быть, мы сами сейчас честно зарабатывали рак всех видов, скorchившись в обнимку в текстоннеле среди переплетающихся полей, под ударами волн и частиц, но где еще могли быть уверены, что никто не застукает нас, сумасшедших извращенцев. И я делал это с ней, я делал это с ней, я делал это. Она этого хотела. Я этого хотел. Мы так хотели этого, что готовы были умереть сию минуту, то есть сразу как только, сразу после. Отсроченная на месяцы или даже годы смерть нас не пугала. Тем более что мы оба знали: вместе (то есть открыто, не таясь) не сможем быть никогда! Мы брали то единственное, чем располагали. Брали, не приберегая ничего на потом. Поэтому что никакого «потом» у нас не было. А кроме всего

ФАНТАСТИКА

прочего, существовала ежеминутная возможность стать случайной жертвой террористов. Именами в длинном списке. Больше всего нас страшило одно: не оказаться вместе в ту самую минуту.

Итак, шариков оставалось пять из семи: красный, желтый, голубой, синий и фиолетовый. А через неделю остался один — красный, и на что Кларисса извела остальные, я не знаю. Могу только догадываться.

Она уговорила мать снова принять участие в ежемесячной лотерее для больных с синдромом Гойта-Леви и членов их семей. Та ругалась самыми неприличными словами, какие только можно услышать от все еще молодящейся брюнетки в возрасте, потому что раньше, в первые пять лет после того, как братцу поставили этот страшный диагноз, половина доходов уходила именно на лотерейные карточки. Но Кларисса упросила мать купить еще разик — всего одну! И — чудо: Ланселот, крошка Лэнни, пятнадцатилетний паралитик, отправился по бесплатному приглашению на полный курс лечения в известный медицинский центр!

А саму мать вдруг стала провожать до дома шикарная блондинка на зеркально-черном «BMW» с мерцающей подсветкой и умопомрачительной озвучкой антиграва. Вскоре мать и дома-то перестала ночевать, и мы с Клариссой смогли оставаться там вдвоем (вдвоем! на ночь! в ее спальне!), и я сметал на пол груды плюшевых мишек, чтобы всем телом завалиться на покрывало в розовую клеточку. Но потом мы все равно съезжали на пол, и мишки оказывались под коленями, под локтями, под бритым затылком, под смуглыми ягодицами моей девочки; но мишки все равно падали на нас сверху, и я опять отбрасывал их. «Без мишек никак, — смеялась Кларисса. — Без мишек любви нет. Если уж мы такие извращенцы, нам ли бояться маленьких плюшевых мишек?»

Еще было в этой жизни: Йоган, три раза пытавшийся повеситься, выйдя из психушки после очередного курса реабилитации, обнаружил Мариуса сидящим на лестнице возле своей двери. Потом, когда кончились каникулы, они заявились в лицей, держась за руки. Девчонки подняли их на смех, парни сочувственно хмыкали, но герои дня сели на соседние места, и больше их порознь не видели...

Что-то Кларисса загадала еще — может быть, тот самый пуд соли, не знаю. Я не заметил больше ничего явно чудесного. Но шарик так и оставался всего один.

А потом ее мать в очередной раз поссорилась со своей блондинкой. Они делали это не реже одного раза в неделю — красиво, с хлопаньем дверьми, визгом антиграва, заплаканным лицом матери, прикуривающей одну сигарету от другой аж до утра... а наутро — с настоящими

ми цветами и счастливыми слезами примирения. Мать осталась дома, плакала и курила на кухне, мы с Клариссой просидели над планшетами, сколько было можно, и затем я отправился домой. Бусики все еще были у нее на шее. Одна красная бусинка, ярко светившаяся на ниточке...

Назавтра Кларисса в лицей не пришла. А через неделю на стене памяти в нашем классе появилась еще одна табличка: «Кларисса Маклеллан Смит, 17 лет, болезнь Вайсмана, взрывная форма. Мы помним и любим тебя!» И портрет маленькой девочки с задорными хвостиками и удивленными глазами цвета ирисок.

Если подойти ближе и всмотреться, то картинка на портрете ожидала, лицо девочки менялось, его овал вытягивался, глаза темнели, волосы отрастали до плеч, потом исчезали совсем, потом появлялась длинная челка, закрывающая пол-лица... Кларисса Маклеллан Смит, как она есть — какой она была, пока училась в лицее. На последнем снимке она была уже маленькой счастливой женщиной со своей тайной — и она улыбалась мне, я знал это точно. Но эта картинка замирала и гасла.

Меня освободили от занятий. Когда я вернулся из клиники, табличка оставалась, однако портрет уже убрали. Ее табличка была единственной без портрета.

Йоган забросал меня вопросами: для него клиника, где я пробыл две недели, — как дом родной; он спрашивал о знакомых санитарах, а настороженное лицо Мариуса маячило у него за плечом.

А еще через неделю террористы покончили с человечеством. Человечество покончило с собой.

Вот теперь мы могли жить вместе, ни от кого не прячаться. Потому что тем немногим, кто уцелел, нет дела друг до друга. Так что все желания Клариссы исполнились. Только Клариссы больше не было.

И я не думал, что это так: когда погибли все, можно по-прежнему оплакивать одного-единственного человека, ту самую девушку, которая уничтожила мир. Она ведь этого и хотела: чтобы мы могли быть вместе, ни от кого не прячась.

В первую же ночь, пытаясь заснуть на оплавленных развалинах ее дома, еще теплых... в первую же ночь, задыхаясь от пыли и горя, я сказал: «Хочу, чтобы Кларисса была со мной. Потому что даже на оплавленных развалинах ее дома мы должны засыпать вместе, обнявшись».

А вы знаете, что она загадала на последней бусинке, красной, звонкой, выплеснувшей запах нагретых солнцем сосен? Она загадала: пусть исполнится желание Тима.

А еще у нас будет ребенок.

